

Среда формирования идентичности грекокатолического митрополита Андрея Шептицкого

Пшеничный Александр Михайлович
Аспирант
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва,
Российская Федерация
Email: pshenichniy-michail@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3215-7072

Цитирование

Пшеничный А. М. Среда формирования идентичности грекокатолического митрополита Андрея Шептицкого // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 53–69. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.03

Статья поступила в редакцию 14.04.2023.

Рецензирование завершено 14.04.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

В статье рассмотрены истоки формирования идентичности Андрея Шептицкого (светское имя – Роман), актуальные с точки зрения лучшего понимания его деятельности в национальной и конфессиональной сферах. Речь пойдет о семье Шептицких, о ее родовых традициях, политических взглядах, социальном статусе, об отношении к религии, о национальном самосознании родителей иерарха, об их окружении. В тексте описывается сущность формации «gente Rutheni – natione Poloni», к которой принадлежал отец митрополита, приводится информация о матери Шептицкого Зофье, дочери известного польского драматурга А. Фредро. Приоритетное внимание посвящено периоду получения Шептицким среднего и высшего образования. Представлена политическая и национально-конфессиональная атмосфера Кракова, в том числе учебных заведений, в которых обучался будущий митрополит. В статье выявлены мотивы выбора Шептицким пути монашества, акцентируется влияние людей, авторитет которых повлиял на это решение молодого человека. Сделан вывод о том, что целый комплекс факторов (сложная национально-конфессиональная история рода Шептицких,

присутствие в окружении молодого Шептицкого носителей ультрамонтанства и патерналистского консерватизма, хорошо знакомых с духом эпохи модернизации и дававших ответы ее вызовы) повлиял на формирование идентичности будущего митрополита и выбор им своего жизненного пути.

Ключевые слова

Андрей Шептицкий, модернизация, ультрамонтанство, консерватизм, самосознание, польско-украинские отношения, грекокатолическая церковь, национальный вопрос, конфессиональные отношения.

Грекокатолический митрополит Андрей (светское имя – Роман) Шептицкий (1865–1944) – значительная фигура в политической и религиозной жизни Галиции первой половины XX в. Проблема идентичности митрополита, еще при жизни волновавшая его современников, продолжает вызывать интерес у исследователей. Польская исследовательница М. Новак проанализировала национальную идентификацию митрополита Андрея с точки зрения его пребывания в «двух мирах»: польском и русинском/украинском¹. Весьма актуальным представляется сопоставление конфессиональной и национальной идентичности Шептицкого. Для лучшего понимания этого сложного предмета стоит обратиться к истокам формирования мировоззрения митрополита, а именно: определить характер национальной и конфессиональной составляющих в идейном мире его семьи, его окружения в годы обучения и принятия решения о монашестве.

Род Шептицких, по семейному преданию, получил статус бояр еще в Галицком княжестве в XIII в.² После присоединения Галиции к Польше при короле Казимире III в 1340 г., Шептицкие влились в ряды шляхты Польского королевства, оставшись при этом православными. В XVIII в., более чем через столетие после Брестской церковной унии 1596 г., они уже грекокатолики. Варлаам, Атанасий и Лев Шептицкие были львовскими епископами, а двое последних также киевскими митрополитами. Каждый из них был так или иначе причастен к строительству львовского собора святого Юра, ставшего

1 Nowak M. Dwa światy. Zagadnienie identyfikacji narodowej Andrzeja Szeptyckiego w latach 1865–1914. Gdańsk, 2018.

2 Космолинська Н. Прилбичі – остання «родинна колиска» Шептицьких з Шептиць // «І». 2009. Ч. 57. С. 121.

кафедральным собором грекокатолической церкви³. Прадед и дед Романа Шептицкого перешли в римскокатолический обряд⁴, а отца Яна Канты уже крестили в костеле. В 1871 г. последний добился присвоения графского титула и таким образом вошел в число титулованной галицийской аристократии. Говоря об этнической и национальной принадлежности, Шептицких относят к так называемой формации «gente Rutheni – natione Poloni»⁵, особенностью которой было сочетание семейной памяти о своей обособленности и педалирования в публичном пространстве заслуг рода в бывшей Речи Посполитой. Все это позволяло сохранять высокую позицию в общественной иерархии габсбургской монархии⁶.

Ян Канты Шептицкий (1836–1912) родился в Прилбичах неподалеку от Яворова, воспитывался в патриархальных традициях. Он не завершил получение высшего образования, вернувшись домой для управления имением. Этот поступок вполне соответствовал духу «Писем из деревни» публициста Войцеха Дзедушицкого⁷, который видел задачу шляхты в работе на селе, цивилизаторской деятельности по отношению к народу. Активность Я. К. Шептицкого во многих областях вытекала из чувства патриотизма, как регионального, так и относящегося ко всем землям бывшей Речи Посполитой. Он участвовал в политической деятельности, многократно был депутатом галицийского сейма, а также пожизненным членом палаты господ рейхсрата⁸. Шептицкий всегда находился в консервативном лагере. Однако если до середины 1890-х это были восточногалицийские консерваторы

3 Александрович В. С., Ричков П. А. Собор Святого Юра у Львові. Київ, 2008. С. 17; Козак Л., Тучанський Я. Храми Львова. Львів, 2000. С. 20.

4 Nowak M. Dwa światy. S. 41; Szeptycki J. K., Szeptycki M. W kręgu rodziny Szeptyckich // Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały / red. A. A. Zięba. Kraków, 1994. S. 19; Zięba A. A. W sprawie genezy decyzji Romana Szeptyckiego o zmianie obrządku // Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały / red. A. A. Zięba. Kraków, 1994. S. 58.

5 См. Zięba A. A. Gente Rutheni, natione Poloni. Z problematyki kształtowania się ukraińskiej świadomości narodowej w Galicji // Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej. Kraków, 1995. T. 2. S. 61–77; Świątek A. Z rozważań nad problematyką tożsamości narodowo-etnicznej «gente Rutheni, natione Poloni» w XIX-wiecznej Galicji // Odmiany tożsamości / red. R. Szwed, L. Dyczewski, J. Szulich-Kałuża. Lublin, 2010. S. 93–106.

6 Nowak M. Dwa światy. S. 42.

7 Dzieduszycki W. Listy ze wsi. T. 1. Lwów, 1889.

8 Nowak M. Dwa światy. S. 47–48.

(подоляки), то затем он сблизился с краковскими. М. Новак отметила, что этот переход сопоставим хронологически с изменением отношения подоляков к москвофилам: после польско-украинского соглашения 1890 г. восточногалицийские консерваторы перешли от борьбы с москвофилами к союзу с ними. Также не исключено, что определенную роль в этом сыграло знакомство Я. К. Шептицкого с известным краковским политическим деятелем Павлом Попелем. Возможно, их сближение произошло на почве общей любви к старине. Я. К. Шептицкий участвовал в общественной деятельности по сохранению исторических достопримечательностей, занимался коллекционированием различных артефактов, документов, относящихся к истории, в том числе его рода⁹. В его доме висели портреты Шептицких, среди которых были и архиереи грекокатолической церкви. В семейной жизни граф отличался суровым авторитарным характером¹⁰.

В 1861 г. Я. К. Шептицкий женился на Зофье (1837–1904), дочери известного польского драматурга Александра Фредро. Писатель принадлежал к червонорусскому роду венгерского происхождения. Во время «галицийской резни» 1846 г. в имении Фредро было спокойно. По крайней мере, нет сообщений о каких-то проблемах в родовом гнезде в воспоминаниях Зофьи Шептицкой, там говорится лишь о страшных рассказах жертв волнений¹¹. При этом русинский мир был для этой шляхетской семьи чужим. Александр Фредро (1793–1876) был хорошим хозяином, но обладал трудным характером. А его жена Зофья Фредро (урожденная Яблоновская) была тихим домашним человеком, во всем старавшимся приспособиться к потребностям мужа. Дочь Зофья стала для нее близким другом¹².

Зофья Шептицкая получила хорошее домашнее образование, которое дополнялось поездками по всей Европе, в ходе которых она познакомилась с деятелями польской Великой эмиграции, в том числе с Адамом Мицкевичем. На родине дочь Фредро вращалась в высших галицийских кругах, а будущего мужа встретила в 1861 г. во Львове. Она привнесла атмосферу веселья и остроумия в Прилбичи – семейное гнездо Шептицких. Свидетельства о характере хозяйки, о ее умении

9 Ibid. S. 43–59.

10 Ibid. S. 59–62.

11 *Szeptycka Z. z Fredrów. Wspomnienia z lat ubiegłych / [przygotował do druku, wstęp i przypisy B. Zakrzewski].* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. S. 110–111.

12 *Nowak M. Dwa światy.* C. 62–71.

вести себя в обществе, но отнюдь не о ее богобоязненности присутствуют на страницах воспоминаний родных и близких Зофьи¹³. Лишь в некрологе в краковском «Часе» друг семьи Людвик Дембицкий написал о религиозности покойной З. Шептицкой. О Прилбичах вспоминали как об оплоте морали, в котором царила гармония¹⁴. Однако М. Новак склонна рассматривать подобные описания как отражение семейной легенды о родовом имени, каким его хотели видеть с перспективы митрополичьего достоинства Андрея Шептицкого¹⁵. Семейные предания рассказывали только о положительных моментах, но были, как и в любой шляхетской семье, и конфликты, и ссоры¹⁶.

Кроме Прилбичей в 1880–1890-е гг. Шептицкие были тесно связаны с Краковом. Там, в гимназии св. Анны, учились дети, там З. Шептицкая общалась с родными, а также с краковскими консерваторами, уделявшими большое внимание вопросам веры. Все домочадцы Шептицких в Кракове были римокатоликами и польскоязычными. Среди польского консервативного окружения Шептицких в столице Западной Галиции был и родственник Зофьи, кардинал с 1901 г. Ян Пузына (1842–1911), сотрудничавший с иезуитами. Он не любил как Россию и русинов, так и патриотические демонстрации поляков. Последнее было несколько странным для родного внука хорошо известного по восстанию 1830–1831 гг. генерала Юзефа Дверницкого. Принадлежавшие к его кругу люди первое место в общественной жизни отводили религии и церкви, для них была неприемлема повстанческая деятельность, а «органический труд» приветствовался¹⁷.

Особенности патриотизма в семьях Шептицких и Фредро были во многом обусловлены поражением Январского восстания 1863–1864 гг., которое сыграло определенную роль в укреплении негативного отношения к национальным восстаниям. Семья Фредро

13 Ibid. S. 74.

14 См. Fredro i fredrusie / [oprac. B. Zakrzewski]. Wrocław, 1974; *Szeptycki J. K. Gdy w rodzinie ważyły się losy syna // Polska – Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa. T. 1. Studia z dziejów chrześcijaństwa na pograniczu etnicznym / red. S. Stępień. Przemyśl, 1990. S. 186–187; Szeptycki J. K., Szeptycki M. W kręgu rodziny. S. 18; Czas. 18.IV.1904. № 88. S. 3; Rosco-Bogdanowicz M. Wspomnienia. Kraków, 1959. T. 1.*

15 Nowak M. Dwa światy. S. 71–77.

16 См. Шептицька С. з Фредрів. Молодість і покликання о. Романа Шептицького. Спогади. Львів, 2009.

17 Nowak M. Dwa światy. S. 77–80.

не отличалась особой религиозностью, лишь к старости сам писатель стал уделять этим вопросам большее внимание. После смерти сына Ежи Петра в 1880 г. З. Шептицкая сблизилась с иезуитами, которые надеялись помирить поляков и русинов путем реформы грекокатолической церкви, настраивая ее на сохранение верности Риму. Яну Канты общение супруги с иезуитами не нравилось, он негативно к ним относился, хотя и поддержал открытие их коллегии в Хирове¹⁸.

Образование Романа Шептицкого началось дома с освоения катехизиса, содержание которого рассказывала мать. Мальчик знакомился с католической религией не только в теории, но и на практике: был министрантом, то есть прислуживал ксендзу во время мессы и других богослужений. В 1875 г. 10-летний Роман был записан во львовскую гимназию Франца Иосифа как приватист, то есть продолжал получать образование в родном имении, но каждый семестр сдавал экзамены. Дома организацию учебного процесса обеспечивали гувернеры и гувернантки, среди которых важную роль сыграл француз Арнетт, который до этого служил папским зуавом. Полную программу обучения мы не знаем, есть только отчет гимназии, где перечислены предметы, по которым Роман должен был сдавать экзамены. Однако ясно, что значительное место отводилось иностранным языкам, особенно французскому. Так, поступив в гимназию св. Анны в Кракове, Роман писал матери письма по-французски¹⁹.

В Краков Р. Шептицкий поехал учиться в 1879 г., в пятый класс гимназии. Краковский культурный центр поляков Галиции был по сравнению со Львовом гораздо более моноэтничным. В гимназии св. Анны учились прежде всего дети мещан (торговцев и ремесленников), краковской интеллигенции, сыновья польских дворян и молодежь еврейского происхождения²⁰. Преобладали носители польского языка (98–99%), на втором месте был немецкий язык. Доля католиков латинского обряда постоянно держалась на уровне 90%. Число грекокатоликов

18 Ibid. S. 80–83.

19 Ibid. S. 88–94.

20 *Estreicher S.* Kilka wspomnień z lat szkolnych 1879–1887 // Pół wieku wspomnień uczniów Gimnazjum im. B. Nowodworskiego (św. Anny) w Krakowie. Kraków, 1938. S. 5, 11; *Dybiec J.* Nauczyciele krakowskich szkół średnich i ich wkład do rozwoju kultury nauki (1860–1918) // Galicja i jej dziedzictwo. T. 6. Nauczyciele galicyjscy. Udział polskich nauczycieli galicyjskich w rozwoju teorii pedagogicznej i badań naukowych 1860–1918 / red. A. Meisner. Rzeszów, 1996. S. 80.

и евангелистов вместе не превышало 1%. Иудеев было от 6% до 9%²¹. В учебном заведении господствовал дух верности династии Габсбургов и преобладавшим в Кракове консервативным идеям при одновременном культивировании польской национальной традиции. Одним из таких патриотических торжеств стало празднование осенью 1879 г. 50-летия литературной деятельности Юзефа Игнация Крашевского (1812–1887). От имени молодежи его приветствовал восьмиклассник Ежи Шептицкий, старший брат Романа. В своем выступлении писатель призвал молодежь к неутомимой деятельности на национальном поле и предостерег ее от распространявшегося космополитизма²².

В гимназии у учеников не единожды был повод для демонстрации своей польскости, например на ежегодных мероприятиях в честь Адама Мицкевича. Программа обучения была классической: главными предметами были древние (латынь, древнегреческий) и современные языки (немецкий и польский). Особым образом преподавалась религия: католики посещали соответствующие уроки в школе, а евангелисты и иудеи должны были предоставить справку из своей общины о том, что они там получают знания о своей вере. Настроение учителей и учеников, содержание программы, патриотические мероприятия – все это было в польском духе. В то же время директора И. Ставарского называли «черно-желтым» за его лояльность к Габсбургам, которую он пытался привить и своим подопечным. В своей речи к выпускникам он пожелал им, чтобы они закончили учебу на пользу «императору, Богу и отечеству»²³. Начало его пребывания на должности директора совпало с периодом Январского восстания, в связи с чем он изначально отличался политической осторожностью²⁴.

21 Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1879. Kraków, 1879; Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1880. Kraków, 1880; Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1881. Kraków, 1881; Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1882. Kraków, 1882; Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1883. Kraków, 1883.

22 Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1880. Kraków, 1880. S. 43.

23 *Żeleński (Boy) T.* Pisma. T. 2. Znaszli ten kraj?... i inne wspomnienia / [oprac. W. Kopaliński]. Warszawa, 1956. S. 210.

24 *Nowak M.* Dwa światy. S. 107–129.

В 1883 г. в соответствии с настойчивым желанием отца Р. Шептицкий поступил на юридический факультет Ягеллонского университета. 1884/1885 учебный год он провел в университете Бреслау (Силезия, Германская империя, ныне Вроцлав). Во время учебы в Бреслау Роман и его брат Александр поддерживали общение с семьей Шембеков, с которыми они имели родственные связи. Шембеки были настроены патриотически и выступали против германизации, проводимой Бисмарком. В Кракове же Шептицкие общались с кругом Павла Попеля, с которым был знаком Ян Канты, на «политико-клерикально-археологических» встречах по четвергам. Там Р. Шептицкий впервые встретил своих будущих преподавателей в университете: Стефана Павлицкого и Станислава Тарновского.

Профессор философии и теологии, «воскресенец» С. Павлицкий (1839–1916)²⁵ во времена своей учебы в университете Бреслау был председателем Литературно-славянского общества. На жизненном пути Павлицкого было два неожиданных для его окружения поворота. В 1868 г. он, преподаватель варшавской Главной школы, принял монашество и отправился в Рим изучать философию и теологию. Там он занял кафедру в папской академии, стал близким собеседником папы Льва XIII, принадлежал к кружку, готовившему материалы к энциклике «*Rerum novarum*», но в 1882 г. уехал преподавать в Ягеллонский университет. Его студент А. Гжимала-Седлецкий считал, что С. Павлицкий сделал этот выбор из патриотических побуждений. На своих лекциях он поднимал современные интеллектуальные проблемы, говорил о социализме, анархизме, концепциях Ч. Дарвина и философии истории К. Маркса. Он симпатизировал скептикам, релятивистам, материалистам и вообще «мыслителям с противоположного берега»²⁶.

Идейный лидер краковских «станьчиков», известный историк литературы граф С. Тарновский (1837–1917) придавал особое значение роли церкви и власти в общественно-политической жизни. По его убеждению, верность католической церкви должна была защищать польское общество от напора панславизма и православия, а верность Габсбургам – удерживать Польшу в орбите западной цивилизации. Под панславизмом он наверняка подразумевал политическое

25 См.: *Przymusiła A. Pawlicki Stefan* // *Polski słownik biograficzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1980. Т. 25. З. 3. S. 423–426.

26 *Grzymala-Siedlecki A. Niepospolici ludzie w dniu swoim powszednim*. Kraków, 1965. S. 80.

объединение славян во главе с Россией, поскольку против славянского движения в принципе Тарновский не выступал и даже участвовал в славянском паломничестве по случаю юбилея канонизации Кирилла и Мефодия в 1881 г.²⁷

Первым наставником в вере Р. Шептицкого стал духовник его матери Генрик Яцковский (1834–1905), руководивший галицийской провинцией иезуитов и проводивший добромильскую реформу Василианского ордена. Главной ценностью он считал верность религиозным предписаниям и папе римскому. Соответственно, национальные интересы не должны были, по его мнению, ставиться выше. Отношение к нации как к наивысшей ценности Яцковский называл «избыточным патриотизмом», приводящим к неурядицам. «Излишняя любовь к отечеству является грехом, который называется национальным духом»²⁸. Извращенный патриотизм «до такой степени стесняет разум и сердце, что тот, кто в него впадает, настолько убежден, что готов поклониться в особой избранности Богом собственной нации и в отсутствии добродетели помимо любви к отечеству»²⁹. Именно подобные взгляды, по его мнению, приводили к ненависти между соседями, между поляками и русинами.

Однако это не значит, что Яцковский выступал против патриотизма как такового. Напротив, он считал его добродетелью, причем настолько важной, что ставил ее на второе место после любви к Богу³⁰ и не понимал, как можно «быть истинным сыном церкви, не будучи хорошим сыном отечества»³¹. Угрозу со стороны православия иезуит видел в том, что, являясь схизмой, оно закрывает путь ко спасению. Верность Риму он рассматривал как надежную основу польско-русинского сближения, а славян вообще – как потенциальную опору христианства³². М. Новак отвергает утверждения Зофьи и Романа Шептицких об отсутствии влияния Яцковского на выбор Романом монашеского пути. Свое мнение исследовательница обосновывает тем, что появившийся в близком окружении 15-летнего Романа харизматичный иезуит, который имел за своими плечами миссионерскую деятельность среди

27 Nowak M. Dwa światy. S. 135–145.

28 Jackowski H. W sprawie ruskiej uwag kilka do kapłanów dobrej woli. Lwów, 1883.

29 Ibid. S. 44–45.

30 Ibid. S. 39.

31 Ibid. S. 45.

32 Ibid. S. 17.

униатов Подляшья и царскую тюрьму, не мог не повлиять на формирование его взглядов и не стать примером для юноши, который живо интересовался русинскими проблемами³³.

При этом известно, что будущее Шептицкого, его желание стать униатским священником поднималось в общении с Яцковским. В ходе разговора на эту тему иезуит спросил: «И ты женишься?», указывая на отсутствие обязательного для римокатоликов celibата в грекокатолической церкви³⁴. Скорее всего, этот вопрос был поставлен не с целью отговорить Романа от намерения стать грекокатолическим священником, но для того, чтобы направить его внимание на монашеский путь.

Родители также непросто отнеслись к такому умонастроению Романа. С одной стороны, Зофья Шептицкая написала, что в 1862 г., когда она ждала своего первого ребенка, муж сказал ей: «Если у меня будет несколько сыновей, я хотел бы, чтобы один из них стал униатским священником». Свое желание он объяснил так: «А это потому, чтобы мог стать епископом и реформировать русинское духовенство»³⁵. Из этих высказываний следует то, что в первую очередь графа Яна Канты заботило все-таки продолжение его аристократического рода. При этом его интересовало и участие его семьи в делах русинского духовенства, которое, следовательно, не было для него чужим. Также характерно то, что у Шептицкого-старшего не было сомнений, что занятие его сыном, представителем знатного шляхетского рода, епископской кафедры вполне вероятно. Дело в том, что в это время среди грекокатолического духовенства было мало представителей аристократии, а польская шляхта имела прямое влияние на вопросы, связанные с епископскими должностями. Это было связано с тем, что назначение епископов в Австро-Венгрии согласно конкордату 1855 г. осуществлялось императором и утверждалось папой, то есть зависело от двух центров. По закону от 7 мая 1874 г. для решения императора кандидатура выдвигалась правительством по представлению наместника³⁶. Наместниками с 1866 г. неизменно были поляки, они также входили в состав имперских правительств и Римской курии.

Однако тяготение Романа к униатству было воспринято его родителями в целом негативно. Оно было чуждо его матери. Можно

33 Nowak M. Dwa światy. S. 182–187.

34 Шептицька С. з Фредрів. Молодість і покликання. С. 12–13.

35 Там же. С. 15.

36 Nowak M. Dwa światy. S. 323.

выделить несколько свойств грекокатолического духовенства, которые отталкивали Зофью Шептицкую: 1) собственно религиозное – восточный обряд вместо западного³⁷; это воспринималось матерью как другое вероисповедание, принятие которого – как смерть одного человека и рождение другого³⁸; 2) социальное – крестьянское происхождение, связанные с ним темнота, простота, жадность; 3) национальное – враждебность к польской национальности³⁹.

Отец сам рассказывал Роману про «русское» дело, в том числе о том, что удалось предшественникам на этом поприще. До конца не ясны причины, почему отец так долго противился вступлению Романа в орден василиан. Будущий митрополит в письме к матери указывал, что Ян Канты имел какие-то убеждения на этот счет⁴⁰. Судя по его вышеприведенным высказываниям, граф Шептицкий не рассматривал религию в целом и унию в частности как нечто чуждое и неприемлемое для его семьи. Может быть, он не поддерживал то, что добромильскую реформу проводят иезуиты. Хотя принципиальным противником иезуитов Ян Канты не был – с 1886 г. он материально поддерживал их гимназию и воспитательное учреждение в Хирове⁴¹. Возможно, соглашаясь в принципе с тем, что эту важную для развития русинского дела («русской справы») миссию поручили ордену св. Игнатия, он в то же время сомневался в его успешном окончании и поэтому не хотел, чтобы сыну угрожало сомнительное будущее. Однако вероятно и то, что видя задатки Романа, Шептицкий-старший хотел, чтобы сын сделал светскую карьеру и стал продолжателем графского рода. Хотя, может быть, настаивая на получении будущим митрополитом высшего юридического образования, его отец желал, с одной стороны, спасти его от опрометчивого решения, показать ему светскую жизнь, чтобы он избрал монашеский путь не слепо, повинувшись горячему юношескому порыву, а осознанно, понимая, от чего он отказывается, а с другой стороны, стремился дать ему возможность получить опыт и завести знакомства, которые могли бы ему пригодиться в случае занятия высокого положения в церкви.

37 Шептицька С. з Фредрів. Молодість і покликання. С. 15–18.

38 Там же. С. 17.

39 Там же. С. 18.

40 Там же. С. 39.

41 Nowak M., Stępień S. Szeptycki Jan Kanty Remigiusz // Polski słownik biograficzny. Warszawa; Kraków, 2012–2013. Т. 48. S. 237.

Летом 1883 г. 18-летний Р. Шептицкий прошел реколлекцию⁴² в иезуитском монастыре в Старой Веси. В это же время туда приехал Яцковский. По мнению матери, именно там Роман принял решение стать монахом-василианином. Летом 1887 г. Яцковский же сопровождал Р. Шептицкого в его посещениях иезуитского монастыря в Хирове и василианского в Добромиле.

* * *

Таким образом, окружение Романа Шептицкого в 1865–1887 гг. было преимущественно римско-католическим по обряду и конфессии, консервативным по политическим взглядам, польским по языку и самосознанию, аристократическим по социальному статусу. Однако помимо этого присутствовало и многое другое, что тоже оказало важное влияние на формирование идентичности Р. Шептицкого. История семьи Шептицких, их традиции, память о русинском происхождении, патерналистские чувства по отношению к русинам со стороны отца – все это несомненно сыграло свою роль в формировании интереса и симпатий Романа к украинскому миру. Ультрамонтанство, придание ведущей роли в развитии общества церкви, согласное с идеями папы Льва XIII, характерное для галицийской консервативной аристократии, а также религиозность матери, тесное общение с иезуитами, которые в это время занимались реформированием русинского Василианского ордена по поручению папы – это повлияло на то, что Шептицкий решил стать грекокатолическим монахом, видя среди своих задач и укрепление унии, которое, по его мнению, должно было привести к согласию русинов с поляками. Среди его преподавателей и учителей были и люди весьма широких взглядов, которые не прятались от вызовов современности, новых идейных течений, а пытались сформулировать ответы на них. Общение с ними дало Шептицкому не только информацию об этом современном мировоззрении, но и возможный ответ на заключающиеся в нем вызовы.

⁴² В католичестве – период, посвященный духовному обновлению через молитву, исповедь.

Источники и литература

Александрович В. С., Ричков П. А. Собор Святого Юра у Львові. Київ: Техніка, 2008. 232 с.

Козак Л., Тучапський Я. Храми Львова. Львів, 2000. 173 с.

Космолинська Н. Прилбичі – остання «родинна колиска» Шептицьких з Шептиць // “Ї”. 2009. Ч. 57. С. 120–127.

Шептицька С. з Фредрів. Молодість і покликання о. Романа Шептицького. Спогади. Львів: Свічадо, 2009. 83 с.

Dybiec J. Nauczyciele krakowskich szkół średnich i ich wkład do rozwoju kultury nauki (1860–1918) // Galicja i jej dziedzictwo. T. 6. Nauczyciele galicyjscy. Udział polskich nauczycieli galicyjskich w rozwoju teorii pedagogicznej i badań naukowych 1860–1918 / red. A. Meissner. Rzeszów: Wydaw. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 1996. S. 77–96.

Dzieduszycki W. Listy ze wsi. T. 1. Lwów: Nakł. “Gazety Narodowej”, 1889. 440 s.

Estreicher S. Kilka wspomnień z lat szkolnych 1879–1887 // Pół wieku wspomnień uczniów Gimnazjum im. B. Nowodworskiego (św. Anny) w Krakowie. Kraków: nakł. Komitetu Jubileuszowego, 1938. S. 1–20.

Fredro i fredrusie / oprac. B. Zakrzewski. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1974. 458 s.

Grzymała-Siedlecki A. Niepospolici ludzie w dniu swoim powszednim. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1965. 354 s.

Jackowski H. W sprawie ruskiej uwag kilka do kapłanów dobrej woli. Lwów: nakł. Gubrynowicza i Schmidta, 1883. 49 s.

Nowak M. Dwa światy. Zagadnienie identyfikacji narodowej Andrzeja Szeptyckiego w latach 1865–1914. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2018. 614 s.

Nowak M., Stępień S. Szeptycki Jan Kanty Remigiusz // Polski słownik biograficzny. T. 48. Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego Societas Vistulana, 2012–2013. S. 236–238.

Przymusiła A. Pawlicki Stefan // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo PAN, 1980. T. 25. Z. 3. S. 423–426.

Rosco-Bogdanowicz M. Wspomnienia. T. 1. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1959. 585 s.

Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1879. Kraków: Anczyc A., 1879. 85 s.

Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1880. Kraków: Anczyc A., 1880. 50 s.

Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1881. Kraków: Anczyc A., 1881. 67 s.

Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1882. Kraków: Anczyc A., 1882. 97 s.

Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1883. Kraków: Anczyc A., 1883. 63 s.

Szeptycka Z. z Fredrów. Wspomnienia z lat ubiegłych / przygotował do druku, wstęp i przypisy B. Zakrzewski. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1967. 392 s.

Szeptycki J. K. Gdy w rodzinie ważyły się losy syna // Polska – Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa. T. 1. Studia z dziejów chrześcijaństwa na pograniczu etnicznym / red. S. Stępień. Przemyśl: Południowo-wschodni Instytut Naukowy, 1990. S. 181–198.

Szeptycki J. K., Szeptycki M. W kręgu rodziny Szeptyckich // Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały / red. A.A. Zięba. Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1994. S. 17–23.

Świątek A. Z rozważań nad problematyką tożsamości narodowo-etnicznej «gente Rutheni, natione Poloni» w XIX-wiecznej Galicji // Odmiany tożsamości / Red. R. Szwed, L. Dyczewski, J. Szulich-Kałuża. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2010. S. 93–106.

Zięba A. A. Gente Rutheni, natione Poloni. Z problematyki kształtowania się ukraińskiej świadomości narodowej w Galicji // Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej. Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1995. T. 2. S. 61–77.

Zięba A. A. W sprawie genezy decyzji Romana Szeptyckiego o zmianie obrządku // Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały / red. A. A. Zięba. Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1994. S. 43–64.

Zeleński (Boy) T. Pisma. T. 2. Znaszli ten kraj?.. i inne wspomnienia / oprac. W. Kopaliński. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956. 581 s.

References

Aleksandrovych, V. S., Rychkov, P. A. *Sobor Sviatoho Iura u L'vovi*. Kyiv: Tehnika, 2008, 232 p.

Dybiec, J. «Nauczyciele krakowskich szkół średnich i ich wkład do rozwoju kultury nauki (1860–1918).» *Galicja i jej dziedzictwo, vol. 6, Nauczyciele galicyjscy. Udział polskich nauczycieli galicyjskich w rozwoju teorii pedagogicznej i badań naukowych 1860–1918*, ed. by A. Meissner. Rzeszów: Wydaw. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 1996, pp. 77–96.

Dzieduszycki, W. *Listy ze wsi*, vol. 1. Lwów: Nakł. “Gazety Narodowej”, 1889, 440 p.

Estreicher, S. «Kilka wspomnień z lat szkolnych 1879–1887.» *Pół wieku wspomnień uczniów Gimnazjum im. B. Nowodworskiego (św. Anny) w Krakowie*. Kraków: Nakł. Komitetu Jubileuszowego, 1938, pp. 1–20.

Fredro i fredrusie, ed. by B. Zakrzewski. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1974, 458 p.

Grzymała-Siedlecki, A. *Niepospolici ludzie w dniu swoim powszednim*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1965, 354 p.

Jackowski, H. *W sprawie ruskiej uwag kilka do kapłanów dobrej woli*. Lwów: Nakł. Gubrynowicza i Schmidta, 1883, 49 p.

Kosmolins'ka, N. «Prylbychi – ostanja “rodynna kolyska” Sheptyc'kyh z Sheptyc'!» *Ї*, 2009, no 57, pp. 120–127.

Kozak, L., Tuchaps'kyi, Ia. *Khramy L'vova*. L'viv, 2000, 173 p.

Nowak, M. *Dwa światy. Zagadnienie identyfikacji narodowej Andrzeja Szeptyckiego w latach 1865–1914*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2018, 614 p.

Nowak M., Stępień S. «Szeptycki Jan Kanty Remigiusz.» *Polski słownik biograficzny*, vol 48, Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego Societas Vistulana, 2012–2013, pp. 236–238.

Przymusiąła, A. «Pawlicki Stefan.» *Polski słownik biograficzny*, vol. 25, book 3. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo PAN, 1980, pp. 423–426.

Rosco-Bogdanowicz, M. *Wspomnienia*, vol. 1. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1959, 585 p.

Sheptyc'ka, S. z Fredriv. *Molodist' i poklykannia o. Romana Sheptyts'koho. Spohady*. L'viv: Svichado, 2009, 83 p.

Szeptycka, Z. z Fredrów. *Wspomnienia z lat ubiegłych*, ed. by B. Zakrzewski. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1967, 392 p.

Szeptycki, J. K. «Gdy w rodzinie ważyły się losy syna.» *Polska – Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa*, vol. 1, *Studia z dziejów chrześcijaństwa na pograniczu etnicznym*, ed. by S. Stępień. Przemyśl: Południowo-wschodni Instytut Naukowy, 1990, pp. 181–198.

Świątek, A. «Z rozważań nad problematyką tożsamości narodowo-etnicznej “gente Rutheni, natione Poloni” w XIX-wiecznej Galicji.» *Odmiany tożsamości*, ed. by R. Szwed, L. Dyczewski, J. Szulich-Kałuża. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2010, pp. 93–106.

Zięba, A. A. «Gente Rutheni, natione Poloni. Z problematyki kształtowania się ukraińskiej świadomości narodowej w Galicji.» *Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej*, vol. 2. Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1995, pp. 61–77.

Zięba, A. A. «W sprawie genezy decyzji Romana Szeptyckiego o zmianie obrządku.» *Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały*, ed. by A. A. Zięba. Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1994, pp. 43–64.

Żeleński (Boy), T. *Pisma*, vol. 2, *Znaszli ten kraj?... i inne wspomnienia*, ed. by W. Kopalinski, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956, 581 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.03

А. М. Pshenichnyi

**The environment for the formation of the identity
of the Greek Catholic metropolitan Andrey Sheptytsky**

Aleksandr M. Pshenichnyi

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

Email: pshenichniy-michail@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3215-7072

Citation

Pshenichnyi A. M. The environment for the formation of the identity of the Greek Catholic metropolitan Andrey Sheptytsky // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 53–69 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.03

Received 14.04.2023

Revised: 14.04.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article discusses the origins of the identity of Andrey Sheptytsky (secular name Roman), which have significant scientific relevance for a better understanding of the activities of this notable figure of the Greek Catholic Church in the national and confessional spheres. We will examine the Sheptytsky family, their family traditions, political views, social status, attitude towards religion, the hierarch parents' national self-awareness, and their surroundings. The essence of the formation of *gente Rutheni – natione Poloni*, to which the metropolitan's father belonged, is described. Information is provided about Andrey Sheptytsky's mother, Zofia, the daughter of the famous Polish playwright A. Fredro. Priority attention is given to the period of Roman Sheptytsky's secular education, both secondary and higher. The political and religious atmosphere of Krakow is analyzed, including the educational institutions in which the future metropolitan studied. The article reveals the motives for Sheptytsky's choice of the path of monasticism, focuses on the influence of people whose authority influenced this decision of a young man. The conclusion is drawn that a whole range of factors (the complex national and confessional history of the Sheptytsky family, the presence of carriers of ultramontanist and paternalistic conservatism around the young Sheptytsky, acquainted with the spirit of the era of modernization

and able to provide answers to its challenges) influenced the formation of the future metropolitan's identity and his choice of his life path.

Keywords

Andrey Sheptytsky, modernization, ultramontanism, conservatism, self-awareness, Polish-Ukrainian relations, Greek Catholic Church, national question, confessional relations.